

ненно, фольклористика в Советской Армении занимает почетное и заслуженное место. Фольклор является постоянным живительным источником для творчества современных армянских писателей. Достаточно вспомнить о таких прекрасных произведениях, как поэмы «Мгер из Сасуна» А. Исаакяна и «Аршак и Шапух» Наира Зарьяна, о сказках Ст. Зорьяна, о стихотворениях Согомона Тароши «Песни Давида», «Писатели Советской Армении — горячие пропагандисты родного фольклора, поддерживая этим издревле установившуюся в армянской литературе прекрасную традицию.

Такое положение дает основание надеяться, что наблюдаемое ныне несколько скачкообразное развитие фольклористики в Армении заменится планомерной работой по собиранию и исследованию фольклора. Время не терпит, так как социалистическое строительство быстро идет вперед во всех углах Армении. В ряды граждан Армянской ССР вступают десятки тысяч вернувшихся на родину зарубежных армян. Старый фольклор уступает место новому. Фольклористам Армении нужно шире и глубже развернуть работу, высоко ценимую Советским Союзом и армянским народом.

И. Кусикьян

НОВЫЙ ИСТОЧНИК ПО ЭТНОГРАФИИ МАТАБЕЛЕ СЕРЕДИНЫ XIX В.

(Письма Роберта Моффата)

XIX век в истории южноафриканских племен банту явился кошмом их самостоятельного развития и началом империалистического порабощения. Нормальный, естественно-исторический процесс развития этих племен был прерван вмешательством грубой посторонней силы; их дальнейшее развитие значительно модифицируется под влиянием империалистической политики. Поэтому большой интерес представляет изучение общественных отношений этих племен накануне их порабощения, изучение тенденций, заложенных в этих отношениях. К этому времени относятся и первые достоверные письменные источники, рисующие их материальную и духовную культуру. Это описания миссионеров, охотников, купцов, первых колонистов; они требуют критического отношения, но они значительно облегчают поставленную задачу. Самым ранним и наиболее достоверным источником о матабеле являются письма Роберта Моффата.

Роберт Моффат (1795—1883) был одним из первых миссионеров Лондонского миссионерского общества в Южной Африке. Молодым человеком, в 1817 г. он приехал в Южную Африку, 53 года прожил среди аборигенов и 75-летним больным стариком вернулся в Европу. Центром миссионерской деятельности Моффата была основанная им среди бечуана миссионерская станция, вокруг которой вырос потом небольшой городок Курумман. Отсюда он пять раз ездил к матабеле, подолгу жил среди них, наблюдал их жизнь, часами беседовал с их вождем Моселекатсе. Во время этих поездок он почти ежедневно писал подробнейшие письма оставшейся в Куруммане жене Мэри, отсылая их колда и как удастся. Эти письма были использованы его сыном Джоном Моффатом при составлении биографии своих родителей¹, но потом были потеряны и только в 1941 г. были вновь найдены и изданы в двух прекрасно оформленных томах². Кроме писем к жене в это издание включены выдержки из писем к брату Ричарду и губернатору Капской колонии Джорджу Грею, а также выдержки из докладов директору Лондонского миссионерского общества.

Матабеле — это зулусы, эмигрировавшие в 1824 г. из Зулуленда (теперь провинция Южно-Африканского союза — Наталь). В Зулуленде в эти годы шла напряженная межплеменная борьба, связанная с героической попыткой Чаки и затем Дингаана объединить все зулусские племена для защиты своей независимости от европейских колонистов. Многие племена и роды, не желая признать господство Чаки, уходили из Зулуленда; среди них был род Кумало во главе с Моселекатсе, получивший потом название «матабеле»³.

¹ John S. Moffat, The lives of Robert and Mary Moffat, London, 1886.

² The Matabele journals of Robert Moffat (1829—1860), London, Chatto and Winds, 1945.

³ Происхождение этого названия неясно. Hugh Marshall Hole в книге «The making of Rhodesia» дает такое объяснение: «Это название произошло от слова басуто «la-Tabele» (муж, число «та-Tabeles»), каффы, т. е. члены тех соседних племен, которые не принадлежали к той же этнической группе, к которой причисляют себя сами басуто и которые не говорят на их языке. Первоначально это название применялось к разбойникам из Зулуленда как презрительная кличка» (стр. 31). Неясно, почему сами люди рода Кумало стали себя так называть. Их вождь Лобенгула, преемник Моселекатсе, в договорах с англичанами называл свой народ «Amandebele» или «ama Ndebele»; точное написание зависело уже от английских составителей этих договоров,

Перевалив через Драконовы горы, матабеле направились на север в землю бечуана (теперь провинция ЮАС — Трансвааль). Им нужна была свободная территория, поэтому они бесщадно уничтожали попадавшие на пути поселения басуто и бечуана, забывая себе их скот. Они обладали военной организацией и военным обучением, не известным еще другим, нузулусским племенам; последние были бесомощны перед ними. Земли бечуана раньше подвергались частым набегам из Зулуленда, через них прошли опустошительным рейдом макололо, а затем появились матабеле.

Численность матабеле неизвестна: число воинов Моселекатсе определяется цифрой порядка 10 тысяч, но, как говорит Тиль, «пятьдесят матабеле были по своей силе равны более чем пятистам бечуана»⁴. Они окончательно опустошили этот край: одна часть людей была перебита, другая отступила в пустыню Калахари и лишь немногочисленные разрозненные группы остались жить здесь под властью завоевателей.

Моселекатсе основал свой главный краал в восточной части Магалисберга, в нескольких километрах севернее нынешнего г. Претория. Отсюда влияние Моселекатсе распространялось на огромную территорию между рр. Вааль и Лимпопо. Здесь посетил его Роберт Моффат в первый раз в 1829 г., второй раз — в 1835 г.

В следующем, 1836 г., у матабеле появился новый и более сильный враг — буры. В течение года произошло несколько столкновений с перedoвыми отрядами бурских «вуттрекеро», уходивших от английского господства в Капокой колонии за р. Вааль. В 1837 г. буры послали против матабеле два сильных отряда; буры были верхом на лошадях и вооружены нарезными огнестрельными ружьями, а матабеле воевали пешими, имея на вооружении ассгай (копье с железным наконечником). В течение девяти дней в районе Мозега шли ожесточенные взаимные атаки. На десятый день матабеле не выдержали и стали отходить со всем своим скарбом и скотом на север. Буры захватили около 7 тысяч голов скота.

Матабеле вновь отправились в далекий путь, прямо на север. Они перешли через р. Замбези, надеясь укрыться от бурских колонистов за этой мощной водной преградой. Но на северном берегу Замбези их скот начал массами гибнуть от укусов мухи це-це, они были вынуждены вернуться на южный берег реки и здесь остановиться. Моселекатсе основал свой главный краал Матлокотлоко в 10 милях от основанного позднее его сыном г. Булавой. Южная граница его новых владений проходила по р. Шаши, северная — по Замбези. От старой резиденции Моселекатсе около Претории до Матлокотлоко по прямой около 600 км.

До прихода матабеле эта территория была заселена также бечуана (бухурутсе, бамангато, бамакалака) и многочисленной группой племен машона. Бечуана остались жить на прежних местах в зависимости от матабеле; машона частично отступили на восток, укравшись в трудно доступной гористой местности, частично остались жить среди завоевателей. На этом новом месте Моффат посетил матабеле в 1854, 1857 и 1859 годах.

Моффат описывает матабеле как народ, для которого война составляет основное занятие, постоянный промысел, а организация для войны является основной организацией всей общественной жизни. Каждый взрослый мужчина, способный носить щит и колоть копьем, является солдатом. Быть солдатом — это и почетное право и священная обязанность мужчины. «Мы счастливы быть солдатами Моселекатсе», говорили Моффату матабеле. Кто теряет способность быть солдатом, тот не считается нужным дальше жить. «Я уже не могу служить Моселекатсе», сказал Моффату один старик, покончивший потом жизнь самоубийством. Один из матабеле был сильно помят и ранен в бедро носорогом; предполагая, что носорог переломил ему берцовую кость, что он теперь инвалид, он хотел покончить с собой, но, взявшись за копье, почувствовал, что все его кости целы; тогда он отбросил копье с возгласом: «Я еще могу жить для Моселекатсе» (т. I, стр. 333).

Быть солдатом — это заветная мечта всякого юноши матабеле. Он готовится к этому с ранних лет, и самым счастливым днем в его жизни является отправление в поход.

Матабеле не может жениться до тех пор, пока он не отличится на поле брани. Большинство солдат не имеет жен. Моселекатсе объясняет это правило так: «Mapoto (т. е. женатый солдат; неженатый солдат называется machacha.— И. П.), уходя в поход оставляет часть своего сердца дома, тогда как настоящий воин должен иметь все свое сердце на поле боя» (т. I, стр. 59). Разрешение жениться дается Моселекатсе как награда за храбрость, за особые заслуги. Женатый солдат, проявивший трусость, может быть лишен жены навсегда или на время; это, так сказать, своеобразное дисциплинарное взыскание.

Проезжая по стране матабеле, Моффат встретил населенный пункт, в котором совсем нет мужчин. Расспрашивая женщин, он выяснил следующее. Моселекатсе послал три отряда своих женатых воинов против зулусских отрядов Дингаана. На

⁴ G. M. Teal, South Africa, London, T. Fisher Unwin Ltd., 1917, p. 169.

поле боя они проявили трусость. В наказание Моселекатсе поселил их отдельно от жен, запретил всякую связь с ними и сказал: когда отличатся в бою, вновь докажут свою храбрость, тогда получат обратно своих жен (т. I, стр. 69).

Внебрачное сожителство machacha строжайше запрещено. Раньше такой солдат мог быть приговорен к смерти, а женщина, допустившая сожителство с таким солдатом, отдавалась в жены другому. Во времена Моффата этот поступок наказывался штрафом в пользу Моселекатсе, выражающимся в несколько голов скота. Следствием такого порядка явилось резкое снижение деторождения. Моффат отмечает, что у матабеле очень мало детей. «Въедешь в деревню покоренных племен на окраинах владений матабеле, увидишь рой детей, тогда как в деревнях матабеле они встречаются очень редко» (т. I, стр. 319). Поэтому матабеле при набегах на соседние племена забирали прежде всего мальчиков. Каждый такой мальчик отдавался в услужение солдату матабеле; он его воспитывал, обучал, готовил из него солдата. Моффат отмечает, что эти солдаты были не менее храбры, чем матабеле, но армия последних, таким образом, постепенно все же перерождалась — прослойка собственно матабеле в ней неуклонно сжималась.

Солдат, отличившийся в бою, получал не только право жениться. Ему оказывались разного рода другие знаки уважения. Он переводился в следующий, более высокий разряд мужчин — «mantoto» и в связи с этим получал право носить на голове кольцо.

Все мужчины делились на 4 разряда: 1. Matsetze — молодежь, не достигшая «призывного» возраста; она насла скст и проходила предварительное военное обучение. 2. Machacha — неженатые, значит — еще не отличившиеся в бою солдаты. 3. Mantoto — женатые солдаты; они имели на голове кольцо, и наиболее отличившиеся из них могли быть переведены в следующий, четвертый разряд. 4. Tupa (inDupa) — высший чин. Это — помощники и советники Моселекатсе; они командовали воинскими подразделениями, водили их на войну; они осуществляли административную власть над отдельными частями владений Моселекатсе. Они также носили на голове кольцо. Все солдаты были сведены, употребляя современные термины, в роты и полки, возглавляемые tupa; machacha и mantoto образуют отдельные подразделения.

Каждое поселение матабеле являлось по существу военным поселением, гарнизоном: все солдаты этого поселения составляли какое-нибудь подразделение. Они систематически занимались здесь обучением, тренировкой, участвовали в сельскохозяйственном производстве и в любой момент были готовы выступить на выполнение приказа Моселекатсе.

Моселекатсе время от времени проезжал по своим владениям и проверял готовность своих солдат. Один раз в году, в феврале месяце, устраивал генеральный смотр всей армии, являвшийся большим всенародным праздником (так называемый «большой танец»). Ему предшествовал в январе «малый танец», в котором участвовали лишь некоторые полки. Моффат ни разу не был у матабеле в январе или феврале и не мог наблюдать этот праздник. В ряде мест он указывает лишь, что Моселекатсе уехал проводить смотры своим полкам.

Вся система военной организации воспитывала в солдатах жестокость, бесстрашие в бою, презрение к смерти, желание отличиться на поле брани. Участие в походе давало ему добычу, а для machacho, кроме того, — возможность получить разрешение жениться. Набеги на соседние племена являлись обычным занятием солдат. Набеги совершались главным образом против племен машона и маколло, за Замбези. Бечуана, населявших обширную территорию между матабеле и бурскими поселениями, они не беспокоили. Моселекатсе не хотел ссориться с ними, чтобы не натолкнуть их на союз с бурами; напротив, он рассчитывал на них как на заслон, предохраняющий от внезапного нападения буров.

Моффат передает такой характерный разговор Моселекатсе с вождем одного из зависимых от него племен бечуана. Моселекатсе донесли, что в верховьях р. Шаши, на территории этого племени, свободно охотятся буры. Он немедленно вызвал к себе этого вождя и сделал ему выговор: почему он разрешает бурам охотиться, почему он немедленно не прогнал их, разве он не знает, что эти бурские охотники являются разведчиками и что вслед за ними можно ожидать нападения. Вождь ответил на это так, как может говорить человек, не боящийся смерти: «Ты лев, а не человек, ты губишь людей и не хочешь ни с кем мира. Я хочу твоей смерти, я хочу, чтобы буры убили тебя», и т. д. После такой дерзости все присутствующие ожидали приказа Моселекатсе о жестокой казни бунтовщика. Но Моселекатсе, не желая восстанавливать против себя зависимые пограничные племена, сдержал свой гнев и спокойно ответил: «Ты говорил так, как подсказывало тебе твое сердце: иди с миром. Ты не умрешь, а будешь жить, пока живу я; только в будущем доноси мне о появлении на твоей земле чужих людей».

Со стороны машона и маколло никто матабеле не угрожал, добрыми отношениями с этими соседями они не дорожили и потому подвергали их частым разоритель-

ным набегам. Машона тоже не оставались в долгу и за набеги платили набегами. Целью их являлся захват скота и людей. Пленных мальчиков, как уже указывалось, отдавали в услужение солдатам, и впоследствии они сами становились равноправными солдатами. Взрослые пленники также распределялись среди солдат и работали в их хозяйствах. Они становились членами семьи солдата и мало чем отличались от других членов семьи; пленница могла стать женой солдата, ее дети приобретали статус отца. Пленники, проявившие те или иные способности, могли выдвинуться из общей массы и занять видное место в обществе.

Покоренные племена бечуана и машона также не испытывали особых притеснений со стороны матабеле. Они жили на прежних местах и вели прежний образ жизни. Их повинности по отношению к матабеле выражались в уплате дани скотом, слоновой костью и некоторыми кустарными изделиями (посуда, челноки и пр.). Некоторые деревни, имевшие хорошие пастбища, обязаны были содержать стада скота, принадлежавшего Моселекатсе, причем молоко и шерсть они забирали себе. В пограничных поселениях бечуана стояли небольшие гарнизоны матабеле; население было обязано содержать их. Наибольшее недовольство вызывалось тем, что матабеле забирали у них много мальчиков.

Моффат называет общественное устройство матабеле тираническим, а самого Моселекатсе рисует как неограниченного ничем, жестокого владыку, называя его королем, монархом. «Правительство матабеле является в точном смысле этого слова тираническим. Народ и его имущество рассматриваются как собственность Моселекатсе. Его слово закон; стоит ему пошевелить лишь пальцем, как любой его приказ будет немедленно выполнен. Всякий трепещет перед ним; когда кто-нибудь хочет с ним говорить, он должен стоять на почтительном расстоянии от него и чаще всего на коленях... Всякий, приближающийся к нему, должен восклицать Аёте или Ваёте; то же, когда уходят от него. Когда он встает или садится, или переходит с одного места на другое, все, кто находится поблизости, должны кричать Ваёте или другие почетные приветствия... Никто не смеет произнести слово осуждения Моселекатсе или его управления. Такое замечание почти всегда ведет к смерти» (т. I, стр. 24). Но Моффат не прав, когда он изображает Моселекатсе тираном, абсолютным монархом; он допускает ошибку, обычную для европейских этнографов того времени, пытавшихся отношения родового общества подогнать под привычные для них отношения европейских народов, давно уже прошедших эту стадию развития.

Власть вождя матабеле наследственна, но эта наследственность регулировалась родовыми традициями и решалась в конечном счете советом старейших. Моселекатсе назначил своим преемником младшего сына Лобенгулу, но Лобенгула не был сыном «главной» жены, и это создало некоторые затруднения в передаче ему власти. И только через два года после смерти Моселекатсе (1868) Лобенгула «был признан в качестве верховного вождя Советом племени»⁵.

У матабеле уже существовала частная собственность и имущественное неравенство, но у них еще не было классов. Земля являлась собственностью всего племени, и в пользовании ею никто не имел никаких привилегий или преимуществ. Каждая семья обрабатывала небольшой клочок земли и сама потребляла весь свой урожай; скот выпасался на общем пастбище.

Главным богатством матабеле был скот; разводили главным образом крупный рогатый скот, овец и коз мало, свиней не разводили. Неравенство по количеству скота очень заметно, но это неравенство не привело еще к эксплуатации. Моселекатсе — самый богатый человек. Его стада неисчислимы. Уход за его скотом является делом всего племени; в каждом краале или во многих из них имелся принадлежащий ему скот, и жители этих краалов обязаны были пасти его, ухаживать за ним. Но Моселекатсе не торговал ни мясом, ни скотом; скот для него не являлся еще средством экономического порабощения соплеменников. Кроме личного потребления Моселекатсе и его «двора», этот скот резали, и притом в большом количестве, для устройства многочисленных народных праздников, торжеств.

Товарные отношения и деньги еще не были известны матабеле. Каждый обеспечивал себя продуктами своего труда и в случае острого недостатка мог смело рассчитывать на материальную поддержку сородичей. Соседние племена бечуана такие же скотоводы и ничего не могли предложить им в обмен на скот. С машона, к которым в это время уже в значительном количестве проникли европейские товары, матабеле находились в состоянии непрерывной войны, исключавшей обмен. Европейские товары только начинали проникать в Матабелеленд, главным образом с востока, по Замбези. Моффат в письме 16 сентября 1857 г. писал, что встретил первого матабеле в европейском costume: старая куртка и брюки. Это был Маньебе, один из близких к Моселекатсе индугуна, выехавший навстречу Моффату. Моселекатсе показал Моффату две большие корзины, наполненные европейскими товарами: материя в клетку, набивной ситец, носовые платки, оконные занавески и т. п. Все это

⁵ Hugh Marshall Hole. Op. cit., p. 35.

лежало без употребления. Когда Моффат привез женам Моселекатсе платья в подарок, и одна из них рискнула одеться, это вызвало общий громкий смех.

Из всех товаров Моселекатсе интересовали прежде всего ружья. Это перзое, что требовал Моселекатсе от приезжающих европейцев, так как ружья ему нужны для защиты от буров. Ему удалось, однако, приобрести лишь несколько испорченных мушкетов. Моселекатсе интересовали также фургоны; никаких своих транспортных средств у него не было. За ружья и фургоны он готов был заплатить дорого, и европейцы злоупотребляли этим. Бур Шварц продал Моселекатсе старый полумантый фургон за 10 целых бивней слонов, а каждый бивень весит в среднем 20—25 кг.

Слоновая кость являлась единственным предметом «экспорта» матабеле. Слонов много, но охота на них без разрешения Моселекатсе была запрещена.

Торговые сношения с европейцами монополизировал Моселекатсе, и никто другой не имел права что-либо продавать или покупать. Моффат сообщает, что женщины приносили продавать ему молоко украдкой, опасаясь, что об этом узнает Моселекатсе. Это характерно в том отношении, что в народе уже появилось желание продавать свои продукты и покупать европейские товары, что монополия Моселекатсе уже стесняет хозяйственную деятельность матабеле.

Моселекатсе был богат, но он жил так же, как и все другие матабеле, за исключением разве лишь того, что он ел больше мяса и пил больше пива. Он жил в такой же хижине, как и все остальные: куполообразный остов из длинных прочных прутьев покрывают травяными матами; вход настолько низкий, что можно только проползти на животе. При третьем посещении матабеле Моффат застал Моселекатсе больным, парализованным, и в письме к жене он удивлялся, как жены Моселекатсе вытаскивают его из хижины через эту дыру.

Резиденция Моселекатсе, главный краал племени, был устроен так же, как и все другие. Посередине краала — огромный скотный двор. Он же являлся и местом для собраний. Однажды, пишет Моффат, собрание затянулось и было прервано потому, что скот вернулся с поля и стал заходить во двор. За оградой скотного двора, вокруг него расположены хижины, а затем идет другая внешняя ограда. Краал Моселекатсе больше обычных, но по своему устройству ничем от них не отличается.

Отсутствие классов у матабеле означает, что правление Моселекатсе, каким бы жестоким оно ни было, служило не интересам того или иного класса, а интересам всего народа. Моселекатсе — признанный народный вождь и военачальник. В своих поступках он руководствовался родовыми традициями, нарушать которые он не волен. Моффат сообщает, что на одном из массовых собраний в присутствии Моселекатсе выступавшие осуждали его за мягкость по отношению к нарушителям обычаев. «Мне передавали, что два основных оратора произносили свои речи сквозь слезы (with a profusion of tears), оплакивали современное состояние дел как упадок, чего не было при Мачобане (отец Моселекатсе.— И. П.), и увещевали Моселекатсе быть более жестоким и не таким снисходительным к тем, кто забывает его власть» (т. I, стр. 94).

Жестокость — понятие историческое, относительное. То, что казалось жестоким Моффату, было привычным, нормальным для матабеле. Эта жестокость была освящена традициями. Матабеле жили в крайне суровых условиях, и суровость, жестокость были необходимыми условиями их жизни.

Моселекатсе не являлся «самодержавным монархом». При нем был, прежде всего, совет. Моффат пишет: «После полудня я пошел к Моселекатсе. У него собрались около 11 индун, сидящих перед ним полукругом». Среди главных индун, советников Моселекатсе, Моффат отмечает Умномбати, которому Моселекатсе поручает наиболее сложные дела — сношения с европейцами. Еще до знакомства с Моффатом Моселекатсе посылал его в Курумман, чтобы разведать, что представляют собой появившиеся белые люди и чего можно ожидать от них; в Куруммане Умномбати познакомился с Моффатом и сопровождал его к Моселекатсе. В 1835 г. он был послан Моселекатсе в Капскую колонию и там от его имени подписал соглашение с губернатором колонии Дурбан. Из других источников известно, что Умномбати жил еще в 1870 г. и оказывал большое влияние на Лобенгулу. Дальше Моффат называет Калепи и его сына Маньебе, которые заняты преимущественно военными делами. В частности, указывается, что Калепи командует 4 полками.

Заслуживает внимания наличие среди индун человека, не состоящего ни в какой степени родства с другими индуна, не-матабеле; это бывший пленник гриквы Виллиям. Не удается выяснить родственные отношения других индун, но наличие среди них Виллияма и рядом с отцом молодого Маньебе свидетельствует о том, что отношения родства и старшинства не являлись уже единственными принципами конституирования совета.

Моффат не знал зулу, языка матабеле, и потсму не мог понять, о чем шла речь на этом заседании. Но он описывает события, предшествовавшие ему. Из пограничного поселения прибыл человек с сообщением, что там появились чужие люди верхом на лошадях. Два индун, Маньебе и Виллиям, немедленно отправились в этот район и, хотя не встретили никого из посторонних, установили, что такие люди действи-

тельно были. Было сделано предположение, что это бурские разведчики. В пограничные поселения были посланы люди, чтобы следить за появлением посторонних людей и немедленно об этом доносить. За несколько дней до того поступило сообщение из соседнего племени бамангвато, что там появилась большая партия чужих людей неизвестно с какой целью. Эти сообщения не могли не вызывать беспокойства и не могли не быть предметом обсуждения. Другое событие связано с заготовкой огнестрельного оружия. Несколько месяцев назад бурский охотник Шварц без разрешения Моселекатсе охотился в его владениях. Он был задержан с богатой добычей, но Моселекатсе отпустил его после того, как Шварц обещал привезти ружья и припасы к ним. Шварц обманул Моселекатсе, вместо ружей он прислал безделушки, вроде бус, и текстильные изделия, надеясь получить разрешение на охоту. Моселекатсе был крайне обескуражен и рассержен. Он говорил Моффату: «Это не то, что нам нужно. Разве я могу это кушать или защищать свою страну от врагов? Буры дважды переходили мою границу, пока ты жил здесь, они мои враги» (т. II, стр. 114).

Надо полагать, что это был военный совет Моселекатсе, созданный для обсуждения вопроса о возможном нападении буров.

В другом месте Моффат описывает народное собрание в краале Моселекатсе. Площадь для собраний полна народа, пишет Моффат. Моселекатсе сидит в кругу собравшихся. «Все безоружны, без копьев и щитов... Когда я вышел на площадь, один оратор произносил с большим жаром речь. Кончив, он вернулся на прежнее место. После паузы в несколько минут поднялся без всякой церемонии (разрядка моя.—И. П.) другой оратор, вышел на средину круга и начал речь. Оратор всегда находится в движении, расхаживая взад и вперед по кругу, обращаясь к королю, к собранию или к обвиняемому... Моселекатсе говорит мало, ограничиваясь репликами». Моффат говорит, что, как ему показалось, участники собрания свободно выражают свое мнение (т. I, стр. 93).

Анализируя устройство органов управления у матабеле, мы находим, таким образом, вождя племени, совет и народное собрание. Вождь племени являлся прежде всего военачальником. Его главная забота состояла в поддержании на должном уровне военной организации племени, которая являлась основой всей общественной организации матабеле. В письмах Моффата мы не видели Моселекатсе, ведущего свою армию на поле сражения, но несомненно, что именно он должен выполнять эту функцию. Его сыну Лобенгула пришлось поднять весь народ на священную войну против английских захватчиков в 1893 г., он сам вел армию и погиб в этой войне.

Назначение военной организации матабеле не только в защите границ от внешних врагов, но и прежде всего в охоте за скотом и людьми. Захватенные в походах люди еще не становились рабами, но эта категория людей уже недалека от них. Начавшееся проникновение товарных отношений должно было вызвать разнообразие потребностей и вместе с ними желание расширить производство за пределы личных потребностей, для обмена на другие предметы, не производимые в своем хозяйстве. Матабеле стояли накануне того, чтобы превратить пленников в эксплуатируемую массу рабов.

Учитывая эту тенденцию, мы можем определить общественный строй матабеле как строй военной демократии в ее начальной форме, как строй, переходный от родового общества к обществу классовому.

Моффат посетил матабеле последний раз в 1859 г., когда он основал здесь миссию во главе со своим сыном Джоном Моффатом. В 1888 г. Джон Моффат по поручению английского правительства заключил с Лобенгулой договор «о мире и дружбе», положивший начало английскому проникновению в Матабелеленд. Через два года, в 1890 г., англичане оккупировали Матабелеленд. Попытка матабеле вооруженным путем освободиться от оккупантов кончилась их поражением. Самостоятельное развитие матабеле было прервано.

* * *

В журнале «African World» от 2 февраля 1946 г. сообщается, что на собрании 30 вождей матабеле состоялись выборы «Верховного вождя» матабеле. После гибели Лобенгулы у матабеле не было верховного вождя. Сейчас английские колониальные власти разыскали сына Моселекатсе, 103-летнего старца, «принца Ньянда», как называет его журнал, и возвели его на «престол» матабеле. Это является одним из проявлений попытки колониальной администрации восстановить подорванную ими племенную организацию и законсервировать ее как дополнительное средство административно-полицейского подавления туземного населения.